

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р49

Ригби, Эл.

Р49 Завтра нас похоронят : роман / Эл Ригби. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (ONLINE-бестселлер (покет)).

ISBN 978-5-17-114618-4

Было Рождество, ночь чудес. Но вместо доброго Санта-Клауса в маленькую страну в сердце Европы пришел Крампус с темными дарами. Здесь умерли все родители, а дети перестали взрослеть. Почему? Выжившие не нашли ответа и начали Охоту, из-за которой от них отвернулся мир.

Испуганными детьми, заклеятыми в прессе «крысятами», верховодит Маленькая Разбойница. Озлобленный Комиссар перестал искать правду о случившемся. Трон Госпожи Президента — лишь руины. А великий Врач забыл свои клятвы. Но что-то скоро изменится. В мертвую столицу летит Шпион, и у него свои планы. А пока... здесь покоится время. Оно замерло навсегда.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114618-4

© Эл Ригби, текст, 2019
© Shutterstock. Inc., фотография на обложке, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Разрушить старый мир, на его костях построить новый — очень старая идея. Ни разу пока она не привела к желаемым результатам. То, что в старом мире вызывает желание беспощадно разрушать, легко приспособливается к процессу разрушения, к жестокости... становится необходимым в этом процессе и непременно сохраняется, становится хозяином в новом мире и в конечном счете убивает смелых разрушителей. Ворон вороноу глаз не выклюет, жестокостью жестокость не уничтожить. Ирония и жалость, ребята. Ирония и жалость!

(А. и Б. Стругацкие. «Гадкие лебеди»)

ПРОЛОГ

Я устала, как же я устала. Каждый день — бой с пустотой, где я осталась, изгнанием, откуда не вернусь, и стаей, которую не выбирала. Каждый день — выживание. Каждый день — вмерзшая в лед вечная смерть.

Я почти не вспоминаю, как все началось. Обломки памяти возвращаются лишь во сне, когда удается поспать. Сегодня вернулись и наяву, просто так, хотя тот, кому я попалась, даже пока меня не бил. Впрочем, у нас ночь впереди, а стены в Надзорном управлении толстые, глухие.

...Тогда заканчивалась ночь перед Рождеством, начиналось утро. Я спустилась в гостиную к елке, чтобы подсмотреть, съел ли Санта печенье, не забыл ли о моих подарках. Часы показывали 6:30. Я всегда вставала примерно в это время, а мама с папой — еще раньше. Им нравилось встречать рассвет, особенно зимний. В нашей семье любили зиму, да и во всей стране: горы и озера, городки и леса под снегом превращались в сверкающую сказку. Жаль, теперь «зима» значит то же, что «страх», а слово «сказка» забыто вовсе.

Хотя родители были «жаворонками», в каникулы мама разрешала мне — своему «совенку» — поспать подольше. Но тем утром я не могла оставаться в кровати: меня буквально выпихивало из-под пледа какое-то предчувствие — не плохое; его можно было назвать рождественским. Знаете, стук сердца, щекотка под коленками; ты вскакиваешь и бежишь по ступенькам вниз, громко топая и оповещая всех, что уже проснулась и ждешь чуда. Неважно, сколько тебе: шесть, четырнадцать, тридцать. Предчувствие, выросшее из книг и фильмов, в том или ином виде остается с тобой до конца. Но это в *нормальном* мире.

Внизу ждал подарок, каких я никогда не получала. Его вряд ли принес Санта, такое мог бы скорее подарить Крампус, его злая тень. Дары Крампуса обрушились тогда на каждую голову, повинную или нет.

В доме пахло индейкой, было светло от зажженных цветных гирлянд. Они мигали: красная лампочка, белая, зеленая, синяя. Мама лежала в кухне у стола, а отец — на улице, со снегоуборочной лопатой в руке, пальцы у него окоченели. Оба выглядели совсем обычно. Никто их не зарезал, не застрелил, не сбросил ядерную ракету. Они просто умерли. Мама была теплой из-за того, что отец успел натопить камин, чтобы я не замерзла. Он всегда топил по утрам.

Я звала их, тормозила, кричала. Потом я звонила в полицию и слушала длинные гудки. Наконец я сама побежала в участок, чтобы и там найти двух мертвецов — ночных дежурных. От кофе в их кружках шел пар; сами они тоже еще не остыли.

Да, был Сочельник. Самый конец ночи, когда умерли все родители нашего города, области, страны. С тех пор я ненавижу запах рождественской индейки и любой другой жареной птицы, ненавижу до спазмов, до рвоты. А еще с тех пор у меня нет дома. Семьи. Будущего и прошлого.

Чиновники, ученые, журналисты высказывали много догадок: эпидемия, нашествие инопланетян, облучение. Популярной была теория о происках вражеского режима — тогда ведь на всех уголках шептались о «красных», да и к Штатам относились настороженно. Работали быстро: уже на второй день все трупы вывезли, начали расследование. Правда, оно

так ничего и не дало. Я даже не уверена, что оно завершилось. Кто-то же наверняка получает за него деньги.

Конечно, правительство пыталось как-то разобраться с *инцидентом*. Иначе поначалу не говорили, сказать было нечего, потому «инцидент», даже не «катастрофа». Чиновники осознали все довольно поздно, да и самих их уцелело немного: у большинства тоже были дети — дети, из-за которых они умерли, в ту же ночь. Да, хотя произошедшее называли «инцидент», хотя ничего не было понятно, одну вещь заметили почти сразу: внезапные смерти связаны с нами. *С детьми*.

Умерли мамы, папы, дедушки, бабушки и приемные родители. Умерли содержатели приютов. Умерли многие учителя в школах, тренеры в секциях, некоторые детские врачи. *Это* не докатилось только до окраин, откуда люди начали сбегать, увидев первые заметки в газетах. Многие успели уехать, потом правительство спохватилось и, пресекая панику, закрыло границу. Она закрыта до сих пор, потому что паника продолжается.

Ближе к столице в живых остались лишь взрослые, вообще не контактировавшие с детьми, и сами дети. Еще небольшое число одиноких стариков, совсем небольшое, в нашей-то благополучной стране. Все здесь хотели иметь семью, было почти не встретить дедушку или бабушку без внуков.

Закономерность проследили, но не сразу в нее поверили. В этом не было смысла: чем мы могли навредить взрослым? Нас наоборот жалели. Люди из правительства, бездетная Госпожа Президент — ее только-только выбрали — попытались сделать единственное, что было в их силах: пристроить нас в новые семьи. Это была целая программа.

«Поможем сиротам найти дом, сплотимся, нас осталось так мало!»

Многие поверили. Нас удочеряли, усыновляли. Все начало налаживаться, но спустя еще несколько месяцев умерли те, кто решил нас приютить. Моя новая мама тоже погибла. Она работала судьей и носила парик. Любила вязать, читала классиков Древней Греции в подлиннике. Больше я ничего про нее не помню. Ах да, кажется, у нас была кошка.

Мы перестали быть детьми. На страницах газет мы постепенно превратились в «неизвестную угрозу», в «инфициро-

ванных» и, наконец, в «отродья». Женщины стали прерывать беременности: кому хочется, чтобы тебя убило что-то, растущее в твоём животе? Мужчины уходили из семей. Никто ведь не будет жить с монстром.

В прошлые века люди во всех бедах винили колдовство и сжигали тех, кого в нем подозревали. Или вешали, топили, рубили головы. Потом люди поумнели и занялись наукой; она стала им хорошим другом на долгое время. Но и теперь, стоит стрястись необъяснимой беде, люди с радостью отворачиваются от нового друга Науки и призывают старых добрых друзей: Суеверия и Святую Инквизицию. Я вижу их большими ребятами в коже, с тяжелым оружием. Не просто так.

Выжившие ученые, конечно, выдирали наши волосы, брали кровь, загоняли нас под рентгены. Они искали болезни, мутацию или хоть что-то. Нашли кое-что необычное: у всех у нас был какой-то дефект в маленькой мозговой железе. Эта железа называется сложным словом на латыни; моя вторая мама, мама-судья, выговорила бы его с легкостью. У меня же оно все время выпадает из памяти. *Гипофиз*. Да, слово — гипофиз. Такой диагноз нам и поставили, «дефект гипофиза», вот только он ни о чем не говорил. Это ведь не заразно? Не должно убивать других? Не должно вообще ни на что влиять? Ученые оказались не правы. Кое на что дефект влиял, но это открылось позже.

А тогда, после около года исследований, подопытных выпустили: взрослые уже старались меньше контактировать с нами. Они боялись, что мы все-таки разносим неизвестную, не выявляемую нынешней диагностикой заразу. Они решили, что *дефект* — просто «тревожный звоночек», единственный симптом, который ловят датчики и приборы. И от неизвестности: что затаилось в нашей крови, нашем дыхании, под нашей кожей — было особенно страшно.

Больше мы не шли жить в чужие дома. Мы ведь тоже умеем жалеть и, хотя мы не врачи, поняли, что большая часть взрослых тоже больна: злобой, ужасом. Так началась охота на ведьм. Нет, я ошибаюсь, Охота на детей, из-за которой наша страна уничтожает сама себя, дикая охота, из-за которой от нас отвернулся весь мир. Никому не нужен друг и союзник, готовый на «избиение младенцев». Так это зовут в Библии?

Охота длилась несколько лет. Мы приспособились жить по-новому. Нас выгоняли — мы селились в подвалах, на свалках, в лесах. Нас отстреливали — мы научились отнимать или красть оружие и стрелять в ответ. Нам не продавали еду — мы маскировались под взрослых, чтобы ее купить, или воровали, такое случалось чаще.

Сейчас ужасы в прошлом. Нас оставили в покое, примирившись с нашим существованием, как примираются с существованием, например, крыс. Кстати, так нас и зовут — «крысята», потому что один политик придумал «пометить» нас особым образом. Из-за него почти сразу после второй волны смертей нас начали отлавливать и клеймить. У каждого на правой руке, между большим и указательным пальцем, выжгли черное изображение крысы.

Есть у нас другое название — «не живые — не мертвые». Оно менее унижительно, но страшнее. Мы действительно словно не живые и не мертвецы. Мы не растем. Не взрослеем. Девочки бесплодны, наши месячные прекратились. Вот что сделал непонятный «дефект». Маленькая железа, как говорил доктор, обследовавший меня, отвечает за много разных вещей, за то, чтобы люди старели, — в том числе. Некоторые ребята наивно считают свою «вечную юность» бессмертием, я же думаю иначе: мы просто можем умереть в любой момент. Не поседев, не покрывшись морщинами, взять — и умереть. Страна будущих покойников, вот мы кто. Новых детей рожают мало, немногие рискуют жизнью, чтобы дать эту жизнь кому-то еще. Да, люди боятся, несмотря на то, что не было еще ни одной смерти из-за «*ниога*» — зачатых после того проклятого Рождества. А мы прячемся, всегда прячемся, будто нас нет. Некоторые взрослые оставляют нам еду или деньги возле убежищ. Они тоже опасаются к нам прикасаться, но поддерживают хотя бы так, по мере сил, которых у них теперь не больше, чем у нас.

Мое имя — Вэрди Варденга. Я не великая предводительница «крысиного» войска, не избранная революционерка и не та, кто знает, как положить окружающему нас аду конец. Я лишь дуреха, попавшаяся с краденым портмоне. И я стою перед главным комиссаром городского Надзорного управления Рихардом Ланном.

ЧАСТЬ I
ГАЙКИ

КОМИССАР

[НАДЗОРНОЕ УПРАВЛЕНИЕ]

Ночь была поганно дождливая и темная. Хотелось домой. Выпить стакан чего-нибудь, оставшегося от лучших времен, отключиться до утра, а по возвращении формально отписаться о том, почему задержанный «крысенок» избит до смерти. Это было бы несложно, существовала стандартная формулировка. «Попытка сопротивления» — кривая, но работающая, хотя большинство задержанных «крысят» давно не сопротивлялись. Рихард Ланн посмотрел на часы и скривился: конечно, желанию осуществиться не дано.

Вэрди Варденга застыла перед ним, обхватив правой ладонью левое запястье. Мокрые лохмотья, бывшие когда-то красной толстовкой и джинсами, липли к телу, с темных волос капало. Уголки губ подрагивали, то ли насмешливо, то ли нервно. На столе между Ланном и Маленькой разбойницей — иначе он ее про себя не называл — лежал кошелек.

— Снова за старое? — хрипло спросил Рихард. — Сколько я говорю тебе не соваться в мою часть города?

Девчонка кивнула, дерзко и одновременно устало улыбнулась. Ланн остановил взгляд на ее пальцах — бледных, с выраженными фалангами, но изящными кончиками. Господи, как она ему осточертела, как осточертели все *они* и весь этот треп. Мысль была спонтанно-острая, вроде вспышки молнии. Вскочив, Рихард рыкнул:

— Лыбишься? Да я тебя к чертовой матери закопаю, дрянь!

Но дешевая попытка устрашения не удалась. Вэрди подняла голову и провела языком по ярко-алым полным губам: нижняя слегка выступала, придавая лицу — даже сейчас — капризный и кокетливый вид. А голубые глаза смотрели холодно и надменно.

— Знаете, а я не против оказываться иногда тут. У вас тепло. И вы не станете бить меня, поскольку боитесь *заразы*. Может... вас потрогать?

И она дурашливо протянула руку, зашевелила в воздухе пальцами. Эти пальцы хотелось сломать, но Ланн стоял недвижно, навалившись ладонями на засыпанный пеплом стол. Его мутило, и он не сводил взгляда с решительного лица — лица девчонки, которая была четырнадцатилетней уже четырнадцать лет.

— Играешь со мной... Доиграешься, Вэрди.

Взгляд равнодушно скользнул по его шее, плечам, груди. Рихард чувствовал себя отвратно, будто девчонка водила по нему раскаленным прутом. Рука невольно поднялась для привычного защитного жеста — поправить собранные в хвост волосы, сильно поседевшие, хотя ему было всего сорок девять. Из них двадцать шесть на службе, а в течение последних он каждую пару месяцев ловил Вэрди Варденгу на кражах. Раз за разом он отпускал ее после одинаковых в своей бессмысленности диалогов. За такое воровство не было велено сажать, приказ сверху: в тюрьме взрослые заключенные, которые тоже могут *заразиться*. Дрянь прекрасно это знала, потому нарывалась.

Вэрди опустила руку и сделала шаг вперед. Ланн тут же сел обратно на стул и уперся локтями в поверхность стола. Она приблизилась еще немного.

— Вы выглядите таким усталым...

— Не дыши на меня.

И снова эта ее разбойничья ухмылка.

— Бросьте, я все же на самом деле не крыса, не болею чумой.

— Мне все равно, чем ты болеешь. Я этим болеть не хочу.

— Неужели так боитесь умереть? — Она приподняла брови и оглядела полупустой кабинет. — Вам есть за что держаться? Тут тухло.

— Найдется.

— Ну хорошо... — Вэрди зевнула с видом королевы, подпавшей помилование. — Я вас пощажу. Дадите кошелек? Все равно вам ведь не найти хозяина...

— Забирай, — устало отозвался он и через стол толкнул украденную вещь ей навстречу.

Девчонка снова протянула руку, склонила голову, волосы упали на лоб. Все-таки красивая... очень красивая, выросла бы в настоящую фройляйн, если бы выросла. Но не вырастет; пара

лет — и где-нибудь сдохнет, «крысята» часто подышают от болезни или голода. А может, умрет просто так, ведь неизвестно, сколько отпущено этим странным нестареющим детям... Детям ли? Кто они теперь? Тронутые католики вообще говорят: бесы.

Ланн спохватился, от подобных размышлений пасло жалостью, а ее он старался себе не позволять. Слишком сложно на его должности жалеть и ненавидеть одновременно. Лучше выбрать что-то одно, давно пора, когда наконец получится?

— Спасибо, — раздался вдруг тихий голос Вэрди. — Хотите прокормлю. Мы будем хорошими. У нас еды нет... уже неделю. Ничего почти нет.

Быстро же сменила пластинку. Только что ерничала и дерзила, теперь говорит по-человечески, корчит из себя загнанную мать голодного семейства. Дурачится или правда оправдывается?..

— В ближайшие дни нас не увидите, — щедро пообещала Вэрди.

Рихард, не отвечая, тяжело глядел на нее и молился, чтобы ушла поскорее. Но она медлила. Взяла кошелек, постучала по столу короткими ноготками с облупленным лаком. Тихо, с горечью рассмеялась.

— Мне иногда жаль вас — взрослых.

Ей двадцать восемь. Или все-таки четырнадцать? Как считаются их годы, уже никогда не понять. Ланн мысленно взвыл, а вслух холодно ответил:

— Мне вас тоже. Пошла вон. Немедленно.

Вэрди некоторое время, казалось, сомневалась, но наконец поднесла ладонь к губам и подула на нее.

— Пока, комиссар.

Она вышла за дверь, но Ланн почему-то не сомневался: скоро они вновь увидятся.

МАЛЕНЬКАЯ РАЗБОЙНИЦА

[ВОСТОЧНАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ КОЛЕЯ]

Я шла обратно. Наш заброшенный поезд стоял рядом с лесополосой. С одной стороны путей было старое военное кладбище, с другой — озеро, поросшее по берегам сосна-